

Предпишетъ съ утромъ ей законъ.
 Но чей булатъ окровавленный?
 Святой защитникъ вольныхъ странъ,
 Или поносный и презрѣнный
 Булатъ—убійца согражданъ?
 Погибнетъ сонмъ тріумвирата,
 Или, презрѣвши долгъ и честь
 Готовить римлянинъ для брата
 Позоръ и цезарскую месть?
 Все спитъ... Ужасная минута!..
 Ужель зловѣщій, тяжкій сонъ
 Смыкаетъ также очи Брута?
 Ужель не бодрствуетъ и онъ?
 О, нѣтъ! волнуясь жаждой боя,
 Въ его груди пылаетъ кровь:
 Въ его груди, въ душѣ героя
 Горитъ къ отечеству любовь!..
 Во тьмѣ полуночи глубокой,
 Угрюмъ, задумчивъ и унылъ,
 Подъ кровомъ ставки одинокой,
 Онъ безотрадно опочилъ.
 Но сна вотще искали вѣжды:
 Предчувствій горестныхъ толпа,
 И отдаленныя надежды,
 И своенравная судьба—
 Его насильственно терзали.
 Онъ ждалъ, онъ видѣлъ море бѣдъ;
 За думой черной налетали
 Другія черныя востѣдъ.
 То, жертва сильныхъ впечатлѣній,
 Въ волненьи памяти живой,
 Онъ воскрешалъ угасшій геній,
 Судьбу страны своей родной:
 Онъ пробѣгалъ картины славы,
 Тѣ достопамятные дни,
 Когда Римъ, гордый, величавый,
 Былъ удивленіемъ земли;
 Когда Камиллы, Сципіоны
 Дробили, въ гнѣвъ роковомъ,
 Составы царствъ, крушили троны
 Народной вольности мечемъ;
 Когда рождались для потомства
 Сцевола, Регулъ, Цинцинать;

